

ВИКЕНТИЙ ВЕРЕСАЕВ

ГОГОЛЬ В ЖИЗНИ
*Систематический свод
подлинных свидетельств
современников*

Детство

•

Первые годы в Петербурге

ПАЛМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)5
В31

Вересаев В.

В31 Гоголь в жизни : Систематический свод подлинных свидетельств современников : Детство. Первые годы в Петербурге / Викентий Вересаев. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 251 с. — (Серия «Воспоминания о писателях»).

Плод многолетнего труда В. В. Вересаева, книга «Гоголь в жизни» создана по образцу знаменитых «Спутников Пушкина», открывших в свое время в русской литературе новый жанр — хронику характеристик и мнений. В этой книге нет трактовки событий из жизни Н. В. Гоголя и описания ее с помощью художественных средств, автор «монтирует» исторические свидетельства современников писателя, историю его времени, быта и нравов эпохи. В этот сборник вошли описания детства Н. В. Гоголя, его школьных лет, начала литературной деятельности и службы в Санкт-Петербурге, профессорства.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос-Рус)5

ISBN 978-5-517-02245-5

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
I. ПРЕДКИ ГОГОЛЯ — ГОГОЛИ-ЯНОВСКИЕ	15
II. ДЕТСТВО И ШКОЛА	38
III. ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ПЕТЕРБУРГЕ. СЛУЖБА. НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	124
IV. ПРОФЕССУРА	211

Предисловие

Книга эта составлена по тому же плану, как книга моя «Пушкин в жизни». Она представляет систематический и, возможно, полный свод свидетельств самого Гоголя и его современников о Гоголе, каким он был в жизни, — об его поступках, настроениях, переживаниях, высказываниях, характере, привычках, радостях, невзгодах, наружности, одежде, об его окружении, — обо всем, равно и крупном и мелком, что рисует человека, каким он был в действительности. Это, конечно, не его биография, это просто сборник материалов, подобранных возможно объективно.

Материал этот — весьма различной ценности. Доверия заслуживают воспоминания друзей юности Гоголя: А. С. Данилевского, К. М. Базили, Г. И. Высоцкого, Н. Я. Прокоповича, в меньшей мере — Т. Г. Пашенка; подробные и чрезвычайно добросовестные воспоминания С. Т. Аксакова, П. В. Анненкова, доктора Тарасенкова; отрывочные воспоминания М. П. Погодина, подлинные записи А. О. Смирновой (не «Записки» ее, когда-то изданные «Северным Вестником»; это — бесцеремонная фальсификация, сочиненная дочерью ее, О. Н. Смирновой). Много ценного материала, переданного со слов современников, находим в книгах: Кулиша — «Записки о жизни Гоголя» и Шенрока — «Материалы для биографии Гоголя». Мало доверия внушают воспоминания матери Гоголя, Марьи Иванов-

ны, — сентиментальной фантазерки, обожавшей гениального своего сына сверх всякой меры. Односторонне враждебны и полны фактических неточностей воспоминания школьного товарища Гоголя, В. И. Любича-Романовича. По обыкновению, путает и многое привирает гр. В. А. Соллогуб. Источником очень ненадежным, которым можно пользоваться лишь с величайшей осторожностью, являются письма самого Гоголя. Просто невероятно, до чего он все время фальшивит в письмах, какие неверные сообщает о себе сведения; часто совершенно даже невозможно понять, для чего это он, — никакой, по-видимому, нет причины, только непреодолимая склонность к мистификациям и тончайшей дипломатии. Самую малую ценность имеют, конечно, записи со слов различных «старожилов».

В подборе материала я старался быть возможно менее строгим и отбрасывал сообщения явно фантастические — вроде рассказа И. Л. Щеглова, якобы со слов Тertia Филиппова, о первой встрече Гоголя с отцом Матвеем (Новое Время. 1901. № 9260). Повторю то, что я писал в предисловии к книге о Пушкине: «Многие сведения, приводимые в книге, конечно, недостоверны и носят все признаки слухов, сплетен, легенды. Но ведь живой человек характерен не только подлинными событиями своей жизни — он не менее характерен и теми легендами, которые вокруг него создаются, теми слухами и сплетнями, к которым он подает повод. Нет дыма без огня, и у каждого огня свой дым. О Диккенсе будут рассказывать не то, что о Бодлере, и пушкинская легенда будет сильно разниться от толстовской».

Сообщения сомнительные отмечены впереди текста звездочкой. Разумеется, это еще не значит, что остальные сообщения вполне достоверны. Полная критическая проверка всех сообщаемых фактов была бы работой, далеко выходящей за пределы задачи, преследуемой этою книгою.

* * *

Гоголь родился в глухой помещичьей усадьбе Полтавщины. У его родителей было около двухсот душ крепостных крестьян и более тысячи десятин земли. Сам Гоголь, однако, помещи-

ком не был. Как только ему удалось стать на ноги, он начал жить самостоятельным трудом — сначала служил, потом существовал литературной работой. От своей части имения он отказался в пользу матери и сестер, не только не получал оттуда никаких доходов, но сам — правда, редко и мало — помогал матери, хозяйничавшей очень неумело. Так что по собственному своему социальному положению Гоголь скорее принадлежал, подобно Белинскому, к сословию разночинцев со всеми сопутствующими особенностями: необходимостью зарабатывать пропитание личным трудом, непрочностью заработка, всегдашнею необеспеченностью.

Однако всю свою идеологию Гоголь целиком впитал из недр старосветской помещичьей жизни. И что замечательно: через жизнь свою, полную самого напряженного художественного искания и творчества, эту идеологию свою он пронес в совершенно нетронутым виде, совсем в таком виде, в каком получил ее в раннем детстве. В вопросах общественности, морали, религии великий автор «Ревизора» и «Мертвых душ» до конца жизни стоял совершенно на том же уровне, на котором стояла его наивная и глуповатая мать-помещица. В этих областях оба они говорили на одном языке.

Одна барышня вышла замуж, другой это не удалось. Гоголь искреннейшим образом убежден, что марьяжными делами барышень заведует сам Господь Бог, что это он уж так заранее определил: одной девице быть замужем, другой нет. «Это устроил Бог для нее. Нужно было выйти замуж, она и вышла: так же, как для другой — то, чтобы она не выходила замуж, и она не выходит». Ехал Гоголь по Рейну — пароход ударился об арку моста и сломал колесо: Гоголю пришлось остаться на день в Страсбурге. Авария эта, по его серьезнейшему мнению, случилась для того, чтобы побудить его написать из Страсбурга письмо графине Виельгорской. Конечно, урожай и неурожай — от Бога, здоровье — от Него же. Он даже бодрствует над геморроем Гоголя, определяет, когда послать рабу Своему запор, когда, по милости Своей, дать разрешение запору.

Мужу, уж конечно, тем же Богом предписано работать на своего барина. В 1846 году, в письме к сестре, Гоголь настаива-

ет, чтоб она ездила на полевые работы и следила за мужиками. «Ленивому ты должна говорить, что он может наработать больше, стало быть, грех ему так не делать, что ты ему потому приказываешь и велишь, что Бог приказал трудиться усердно. Он сказал: “В поте лица трудитесь!”, стало быть, это грех, и с помещика за то взыщется. Расскажи также мужикам, чтобы они слушали приказчика и умели бы повиноваться, несмотря на то, кто ими повелевает, хотя бы он был и худший их, потому что нет власти, которая была бы не от Бога. Словом, так говори с ними, чтоб они видели, что, исполняя дело помещичье, они с тем вместе исполняют и Божие дело». Через несколько лет он в письме к сестрам опять настаивает, чтоб они ездили в поле следить за работою мужиков: «Бедные крестьяне в поте лица работают на нас, а мы, едя их хлеб, не хотим даже взглянуть на труд рук их. Это безбожно. Оттого и наказывает нас Бог, насылая на нас голод, невзгоды и всякие болезни, лишая даже и скудных доходов. Жестоко наказываются целые поколения, когда приведут себя в состояние белоручек. Все тогда, весь мир идет наыворот, и начинаются казни, хлещет бич гнева небесного». Я не знаю, можно ли найти во всемирной литературе более наивно-откровенное исповедание барско-помещичьего бога.

И не только так писал Гоголь. Он и в жизни проявлялся типичнейшим барином-помещиком. В 1832 году он приехал из Петербурга к себе в Васильевку, чтоб везти в Петербург двух малолетних своих сестер для определения в институт. Возник трудный вопрос: как обходиться девочкам в дороге без горничной? Где поместить горничную в Петербурге? Хорошо было бы, если бы человек Гоголя, Яким, был женат. И тут же Гоголь с матерью порешили: за три дня до отъезда женили Якима на Матрене, горничной сестер. «Таким образом, — рассказывает одна из сестер Гоголя, — совершенно неожиданно для себя и для всех Яким отправился в Петербург с женою, а барышни — с горничною; а Мария Ивановна (мать Гоголя) была очень довольна, что все так устроилось по-семейному».

К политике и ко всякой общественности Гоголь был глубоко равнодушен. Тогдашний Париж с его кипящею общественною